

НАШЕ ДНІ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА
ОДНА копѣйка

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ ОДЕССѢ

На 1 мѣсяць . . . — р. 35 к.
„ 3 мѣсяца . . . — р. 90 к.
„ 6 мѣсяцевъ . . 1 р. 75 к.
„ 12 мѣсяцевъ . . 3 р. 50 к.

Для иногороднихъ

На 1 мѣсяць . . . — р. 45 к.
„ 3 мѣсяца . . . 1 р. 20 к.
„ 6 мѣсяцевъ . . 2 р. 25 к.
„ 12 мѣсяцевъ . . 4 р. 30 к.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ Александровскій проспектъ 15.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ ул. Жуковского, 12. Тел. № 34-75.

Плата за объявленія:

Впереди текста **30** коп. за строку петица, позадѣ—**15** коп. Годичныя и мѣсячныя объявленія по соглашенію. Для извѣстій за-
нятій—**15** коп. за объявленіе въ 4 строки на 4-й страницѣ.

Пріемъ объявленій въ конторѣ газеты ежедневно, кромѣ
праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 7 час. веч.

Театръ и Музыка.

Городской театръ.

«Вишневый Садъ» Чехова.

Рубятъ роскошный вишневый садъ,
заколачиваются окна Дома и со сту-
комъ топоровъ, и лязгомъ засововъ
погибаютъ старые устои дворянскаго,

помѣшничьяго бездѣлья и праздной пошлости... Придутъ новыя люди, размежутъ садъ на участки, выкорчуютъ вишневыя цвѣи и «внуки и правнуки увидятъ новую жизнь...»

Возврата къ прошлому нѣтъ и вѣсть съ драхмъ и умирающимъ Фирсомъ все старое заколочено и погребено на всегда...

«Прощай старая жизнь!..»

«Здравствуй новая жизнь!..»

— Таковъ лейтъ-мотивъ «Вишневаго Сада».

Этой послѣдней пьесой Чехова стоящей по силѣ и настроенію не ниже его «Дяди Вани», «Трехъ Сестеръ» и др., почтѣ 17-го Января нашъ Городской театръ 50-лѣтній юбилей извѣстнаго писателя.

До пьесы П. Т. Герцо-Виноградскимъ былъ прочитанъ рефератъ.

Скучно, вяло и неинтересно началъ лекторъ свою лекцію. Не было въ ней вдохновенія, а какое-то монотонное чтеніе по писанному лишь изрѣдка прерывающееся шелестомъ переворачиваемыхъ страницъ...

И вышелъ не гимнъ Чехову, не красивое слово великому писателю, а скучная до нельзя скучная исторія...

И этимъ настроеніемъ прониклись всѣ и лекторъ и зрители, вяло поджавшіяся при первой «славѣ» писателю, и даже артисты.

Безжизненно начали они первый актъ и въ такомъ тонѣ вели они всю пьесу до конца. Не было въ ней подъема, не чувствовалось того особеннаго настроенія, каковымъ такъ полны чеховскія пьесы.

И Любовь Андреевна—эта ничемная избалованная помѣщица, которая «ничего не знаетъ», женщина, у которой отъ безграничнаго отчаянья къ бурному веселью одинъ только шагъ вышла какой-то дѣланной, неискренней, неинтересной...

Не было въ ней непосредственности, а была игра, игра до послѣдняго акта.

И такъ играли, только играли почти всѣ.

И артисты, а за ними и зрители не прониклись тѣмъ милымъ хорошимъ человѣческимъ настроеніемъ отъ котораго хочется новой жизни, новыхъ устоевъ...

ЯНУАРИЙ